

О ДРЕВНИХ МОНГОЛО-МАНЬЧЖУРО-ТУНГУССКИХ ВЗАИМОСВЯЗЯХ

История формирования любого народа является чрезвычайно сложной и трудной для изучения. Особенно много научных споров вызывает проблема этногенеза народов алтайской языковой семьи - тюрков, монголов и тунгусо-маньчжуров.

Одним из важнейших источников для понимания истории народа является язык. Э.К.Пекарский, автор «Словаря якутского языка», писал: «Язык племени - это выражение всей его жизни, это музей, в котором собраны все сокровища его культурной и высшей умственной жизни». Языковеды, изучавшие монгольский и тунгусо-маньчжурские языки, отметили их большую близость. Крупнейший монголовед Н.Н.Поппе, сравнив монгольские числительные с числительными из других родственных языков, пришел к выводу, что для сопоставления «тунгусские наречия дают неизмеримо больше материала, чем турецкие языки» (Поппе Н.Н., 1924, с. 98). К близкому выводу пришел и венгерский ученый А. Рона-Таш. По его мнению числительные у тюрков и монголов разные, а это может говорить о том, что единый алтайский язык или очень рано распался или же его не существовало вообще (Рона-Таш А., 1974). В.И. Рассадин, наш ведущий российский специалист по монгольским языкам, пишет, что «на каком-то этапе своего развития группа северных монгольских языков, включавшая протобурятский, протоойратский и протоалхаский языки, испытала сильное влияние языков типа южных тунгусо-маньчжурских», далее исследователь подчеркивает «направляется предположение о принятии бурятским, дагурским языками и некоторыми восточномонгольскими говорами тунгусо-маньчжурской системы гласных с ее особенностями. Именно взята вся система, а не отдельные звуки» (Рассадин, 1982, с. 166, 168). Собственно, о направлении поисков в русле древних монголо и тунгусо-маньчжурских взаимосвязей пишет и тюрколог А.М. Щербак (1994, с. 184).

Таким образом, по мнению перечисленных исследователей, есть основания предполагать в древности единую этническую общность, состоявшую из предков тунгусо-маньчжуров и монголов.

Следовательно, должна быть обозначена и территория, где протекала ранняя история этих народов.

Древняя культура тунгусо-маньчжуров сохранилась на исконной территории обитания маньчжуров - в Маньчжурии. А.П. Окладников отмечал, что маньчжуры с древности известны как земледельцы и скотоводы. Излюбленным животным, разводимым ими в домашнем хозяйстве, являлась свинья, а основная земледельческая культура - просо (Окладников, 1968, с.32).

Интересно, что в культуре бурят, монголо-язычного народа отмечается наличие сюжетов, связанных со свиноводством. Причем, это нашло отражение в народной памяти, в его устных сочинениях. О древнем свиноводстве бурят упоминается во всех видах словесного творчества как в малых жанрах фольклора - пословицах, поговорках, благопожеланиях и загадках, так и в более крупных произведениях - сказках и эпосе. Приведем некоторые примеры. Пословицы: Нохойн угдэ гахай хусаха (Когда нет собаки, лает и свинья); Гахайпаа халюу булган турэхэгуи, тэнэгпаа сэсэн угэ гарахагуи (От свиньи не родятся выдра и соболь, от дурака не услышишь умных слов). Загадки: Гахайн гуя ганзагалдажа ядааб (Окорок кабана не смог навьючить - лед); Гээгээгуи аад, бэдэрдэг, гэмтээгуи аад, ёлодог (Не потеряла, ищет, не искалечена, стонет - свинья). Благопожелания: Газар хадарха гахайтай боложо, галабта дуулдаха нэрэгэй боложо байгаарайт! (Имейте свинью, чтоб рыла землю, заслужите имя, чтоб звучало навеки!). Сказки: А Рудневым записана сказка «Свинопас», в которой единственный сын пасет стадо из семи свиней. Пастухи свиней встречаются и в бурятской сказке «Глупый волк». Эпос. Здесь свинья выступает в роли главного отрицательного персонажа - мангадхай. По мнению С.Ш. Чагдурова, в некоторых бурятских улигерах слова «мангад» и «гахай» нередко употреблялись самостоятельно, в улигере «Абай Гэсэр хубуун» имеется Мангад хугшин гахай, а в улигере «Уншин Хара хубуун» - Зуудаг Шара мангад гахай (1980, с. 205). Отметим также, что среди хоринских бурят имеется род бодонгууд. По мнению Ц.

Цыдендамбаева, данное название связано с тотемом дикой свиньи, и исследователь ссылается на почитание свиней монголоязычными киданями (1972, с. 207). Хочется привести пример и топонима Гаханы, село с этим названием находится в Кудинской долине. Не исключено, что это название имеет древнее происхождение.

Надо сказать, что наличие в бурятском фольклоре свиней не прошло незамеченным. Такой большой знаток и ценитель бурятского народного творчества, как писатель Ч.Цыдендамбаев, говоря о том, что буряты не разводят свиней (сюжет о детстве Доржи Башарова в родном улусе Ичетуй в романе «Доржи, сын Банзара»), тем не менее подчеркивает, что в загадках и пословицах свинья упоминается (1981, с. 135).

К приходу русских в XVII веке буряты, видимо, не знали свиноводства. И разведение свиней было заимствовано у русских. Об этом говорит и русское слово «поросенок», вошедшее в бурятский язык как «поршоонхо». Связано ли с данным нововведением появление свиней и в бурятском фольклоре или же фольклор отражает более древнее знакомство с этим животным предками бурят? Имеющиеся материалы позволяют склониться в пользу древнего свиноводства у монголоязычных предков бурят.

Археологические данные говорят нам о том, что свинья занимала большое место в рационе забайкальских хунну. На Иволгинском городище костей свиней и собак найдено больше (44%), чем костей овец и лошадей (34%) (Давыдова, 1985, с. 71). Хунну, по мнению ряда исследователей, были монголами (Сухбаатар, 1976). Значительный субстрат в культуре хунну, имеющий восточноазиатское происхождение, является еще одним аргументом в пользу и преобладающего монгольского компонента в хуннской культуре. Отметим, что японский исследователь К. Сиратори писал: «Теперь я убежден, что хунну не что иное, как смесь монголов и тунгусов» (по Е.И. Деревянко, 1981, с. 251).

Монголы упоминаются в китайских летописях как мэньу или мэнва. Источники пишут, что у них «в качестве домашних животных там гонятся собаки и свиньи. Их откармливают и поедают» (Кычанов, 1980, с. 136). Следовательно, свиньи, наряду с собаками являются одним из основных животных, разводимых монголами. Отметим, что термин свинья является в монгольском языке самостоятельным, что свидетельствует о независимом развитии свиноводства у монголов (Рассадин, 1984, с. 71).

Интересно, что в бурятском фольклоре широкое распространение имеет и сельскохозяйственная тематика. Абай Гэсэр обращается в осла и пашет землю. Тугэшинские князья ходят осматривать киданьские (кидани, народ монгольского происхождения - Б.Д.) посева. Гал Дулмэ использует просо в культовых действиях. Или вот пословицы: «Анзапанаа хусор аргаа олохо» - «сохою кормить» и «Ухэхоошье байгаа хаа анзапанаа аргали бу алда» - «хоть и при смерти будешь, держись за соху». О том, что земля родит не только хлеб, но и разные другие продукты

питания - плоды и овощи, можно судить из пословицы: «пайнаар газара элдээ хаа - элдэб хоолтой пуухаш» - «лучше обработаешь землю - разной едой будешь богат». Следовательно, у бурят было понятие и овощеводства, по крайней мере, такой вывод напрашивается из этой пословицы. Имеются и загадки, связанные с сельскохозяйственными орудиями: «Газар доогуур галба нуубэ» - «под землю плоское ночует» (сошники). «Зуун ямаан соо зуудаг шара табяа» - «в стадо сотни коз волка серого пустили» (серп).

Встает резонный вопрос. Где древние предки бурят могли быть знакомы с земледелием, свиноводством и собаководством? Есть все основания предполагать, что исходной прародиной монгольского этногенеза являлись земли Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии (Дашибалов, 1999). Именно здесь произошло становление монгольской и тунгусо-маньчжурской культур. Здесь на плодородных лессовых почвах сформировался и древнейший земледельческий центр, независимый от китайского. Об этом можно судить по монгольской земледельческой терминологии Северного Китая: плуг - аньчжа, сошник - халхань, сеялка ручная - усэ й хитхэнь, каток для прикатки гряд - тохороку (Стариков, 1967).

Очевидно, в древности предки монголов и тунгусов - маньчжуров распространились из южной прародины далеко на север и восток вплоть до таежной зоны Восточной Сибири. Какие народы здесь проживали в древности? Северо-западная часть Юго-Восточной Сибири входит в зону расселения самодийского этноса. В Предбайкалье и Прибайкалье распространены топонимы самодийского происхождения. Причем по некоторым данным, использованным Г.Н. Румянцевым, «60 процентов топонимических названий Прибайкалья - по происхождению самодийские» (1954, с. 50). Трудно сказать, действительно ли самодийских названий столь много. Но такие крупные топонимы, как Саян и Иркут, несомненно, имеют самодийское происхождение. Река Каха, в долине которой живут «кахинские буряты», по самодийски значит «окунь», река Нарын - «болото» и этот ряд можно продолжить. Важно, что именно Г.Н. Румянцев указал на возможность проживания самодийцев в Прибайкалье. Г.Н. Румянцев, имея хорошую языковедческую подготовку, именно на основании языковедческих данных предполагал, что монголы появились в Прибайкалье достаточно давно. Потому что названия лесных животных, с которыми человек должен познакомиться раньше всего, в монгольском и самодийском языках совпадают. Например, в монгольском языке собака называется «нохой». В современном ненецком языке, принадлежащем к группе самодийских языков, «нохо» значит песец, полярная лисица. Слово «унэген» в монгольском и бурятском - лисица, а в самодийском «вэниген» - собака.

Таким образом, по мнению Г.Н. Румянцева, данные языка (родовые имена, названия зверей,

топонимика) свидетельствуют в пользу того, что в местах расселения западных бурят, наряду с другими, проживало население, говорившее на самодийском языке. Общность названий диких лесных зверей у самодийских и монгольских народов, а также несовпадение этих названий с тюркскими, говорит в пользу более ранних контактов монголов с самодийцами, нежели с тюрками. Г.Н.Румянцев пишет « Эти связи возникли в то время, когда эти племена вели охотничью жизнь и обитали в лесной зоне и ещё не имели никаких других домашних животных, кроме собаки и оленя. Местом, где предки самодийских, эвенкийских и монгольских племен находились в непосредственном соседстве, могло быть только Предбайкалье, так как далее к востоку от оз. Байкала никаких следов пребывания самодийских племен не имеется »(1954, с.51).

Возможность пребывания самодийских племен в древности в Прибайкалье на археологических материалах рассмотрел А.П.Окладников. Он писал, что сплошная орнаментация на глазковских сосудах, свидетельствует о проникновении на восток отдельных племён западного происхождения. На это же указывает распространение личиночного орнамента, а также топоров с ушками, которые встречаются до Урала (Окладников, 1957).

В свое время А.П.Окладниковым была выдвинута прибайкальская версия происхождения тунгусов. Эта теория была поддержана большим знатоком тунгусской культуры Г.М.Василевич. Вновь появившиеся материалы, в частности антропологические, позволили М.Г.Левину (1958) поставить под сомнение выводы А.П.Окладникова. Надо сказать, что новые данные все больше расходятся с теорией о прибайкальском формировании тунгусов (Шавкунов, 1990).

В данной работе мы очень кратко рассмотрели основные проблемы, связанные с формированием древних монголов и тунгусо-маньчжуров. Вероятно, в глубокой древности эти народы составляли единый этнос, история которого протекала на землях южной Маньчжурии и Дунбэя.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 03-06-80212; РГНФ фант 03-01-00767а

Литература

Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) - памятник хунну в Забайкалье. - Л., 1985.

Дашибалов Б.Б. Монголо-маньчжуро-корейский центр активности в истории центральноазиатских народов // Геохимия ландшафтов, палеоэкология человека и этногенез. - Улан-Удэ, 1999.

Деревянко Е.И. Племена Приамурья. I тысячелетие нашей эры. (Очерки этнической истории и культуры). - Новосибирск, 1981.

Кызласов Л.Р. Ранние монголы // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. - Новосибирск, 1975.

Кычанов Е.И. Монголы в VI - первой половине XII в. // Дальний Восток и соседние территории в средние века. - Новосибирск, 1980.

Левин М.Л. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. - М., 1958.

Окладников А.П. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея // Советская археология.-1957.-№ 1.

Окладников А.П. Тунгусо-маньчжурская проблема и археология // История СССР. -1968. - № 6

Поппе Н.Н. Монгольские числительные // Языковедческие проблемы по числительным. - Л., 1924.

Рассадин В.И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. - М., 1982.

Рассадин В.И. Бурятская животноводческая терминология как источник по исторической этнографии // Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии. - Улан-Удэ, 1984.

Рона Таш А. Общее наследие или заимствования? // Вопросы языкознания.-1974.-№ 2.

Румянцев Г.Н. Патриархально-феодалные отношения у бурятских племен (XIV-XVII) // История Бурят-Монгольской АССР. - Улан-Удэ, 1954. - Т.1.

Стариков В.С. Материальная культура китайцев северо-восточных провинций КНР. - М., 1967.

Сухбаатар Г. К вопросу об этнической принадлежности хуннов // Проблемы Дальнего Востока.-1976.-№1.

Цыдендамбаев Ч. Доржи, сын Банзара. - Улан-Удэ, 1981.

Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. - Улан-Удэ, 1972.

Чагдуров С.Ш. Происхождение Гэсэриады. - Новосибирск, 1980.

Шавкунов Э.В. Культура чжурчженей - удите XII-XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. - М., 1990.

Щербак А.М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. - СПб., 1994.

Summary

The author of the given article researches the problem of the ethnogenesis of Altai lingual family peoples. Having as evidence archeological and literature recourses the author makes a supposition about existence of one ethnic community in early time consisted of Tungus Manchus and Mongol's forbears whose history progressed on the territory of Southern Manchury and Dunbay. Also it is possible the Samodiisky people being on the territory of North-Western part of South-Eastern Siberia and its contacts with mongol and evenk's tribes.